

18+

ОЛЕГ ДАВЫДОВ

ДЕМОН СОЧИНИТЕЛЬСТВА

Книга первая

Русская классическая мифология

Олег Давыдов

**Демон сочинительства.
Книга первая: Русская
классическая мифология**

«Издательские решения»

Давыдов О.

Демон сочинительства. Книга первая: Русская классическая мифология / О. Давыдов — «Издательские решения»,

В 90-е Олег Давыдов наделал много шума в литературном сообществе. Его эссе-исследования классической и современной литературы публиковали в тамиздате и в российской прессе, называя его «критиком крайне неудобным, поскольку он обычно анализирует не столько то, что хотел сказать в своем тексте тот или иной сочинитель, сколько то, что у того в результате сказалось — как бы нечаянно». Сводом этих эссе стала книга «Демон сочинительства». Это ее второе (расширенное, дополненное) издание, в трех томах. Книга содержит нецензурную брань.

© Давыдов О.

© Издательские решения

Содержание

ОТПОВЕДЬ РЕДАКТОРУ. Вместо предисловия	6
КАРЛО МАРКС И ИОСИФ СИЗЫЙ НОС. Кукольный коммунизм Алексея Н. Толстого	10
ГАДЫ. Пророчество Михаила Булгакова о путче 19 августа 1991 года	14
СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ, НО ТОЛЬКО НЕ БОЖИЯ. Что показывают часы Николая Погодина	19
ВСЕ СМЕШАЛОСЬ. Согласно Льву Толстому российские реформы кончатся на рельсах	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Демон сочинительства. Книга первая: Русская классическая мифология

Олег Давыдов

© Олег Давыдов, 2026

ISBN 978-5-0070-4114-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4115-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТПОВЕДЬ РЕДАКТОРУ. Вместо предисловия

Я рад тому, что наша совместная работа сдвинулась с места, но, прежде чем ее продолжать, надо бы объясниться по поводу Вашей редакции, а также — сопровождающего ее письма.

В этом письме Вы высказываете множество опасений по поводу «спорности некоторых положений» моих текстов и «недопустимой резкости» иных их пассажей. Ваши опасения сводятся в основном к тому, что нас могут не так понять. Во-первых, что значит нас? У меня никогда не было намерения брать Вас в соавторы. Я понимаю, что на Вас как редакторе может лежать некоторая доля моральной ответственности за какие-то мои «безобразные выходки», но — неужели Вы всерьез полагаете, что кто-то возложит на Вас вину за то, что я написал в книге, которая уже принята к печати? Не бойтесь, такое никому даже в голову не придет. Все шишки падут на меня. А Вы, быть может, сумеете даже получить от этого известное удовлетворение: вот, мол, предупреждали его, что «дважды два четыре», а он все равно настоял на своем.

Впрочем, если Вы все еще опасаетесь, что нас с Вами (в первую очередь — Вас, ведь не обо мне же Вы так беспокоитесь) могут неправильно понять, я готов публично объявить, что Вы тут совсем ни при чем, что Вы, напротив, все сделали, чтобы книга не вышла в свет.

Хотя, знаете, я не очень-то верю в то, что Вас так уж волнуют мои дерзости и мои мнимые передержки. Мне кажется, что за Вашими опасениями стоит нечто другое, некий профессиональный сдвиг, что ли, приобретаемый некоторыми редакторами от постоянной работы с чужими текстами. Мне это очень хорошо знакомо, поскольку в бытность мою заместителем главного редактора «Независимой газеты» я повидал немало людей, занимающихся редактированием. С прискорбием должен заметить Вам: слишком часто редактор — это просто неудавшийся автор. Он знает проблемы создания текста, знает, как надо писать (думает, что знает), он только вот — не может писать. Иногда — как раз потому, что слишком хорошо представляет себе кухню. Способом творчества для такого человека является правка. Он беззастенчиво лезет в чужой продукт и таким образом становится как бы соавтором. При этом он не отдает себе отчета в том, что такая его редакция — просто легкая форма графомании.

Самое неприятное то, что индивид, страдающий подобного рода недугом, слишком часто начинает чувствовать себя (просто в силу своего положения) начальником над автором, который от него и действительно очень зависит. Именно тут идут в ход опасливые формулы типа: «Нас с вами не так поймут». А хуже того — начинается смелая правка без согласования с автором. Редактор ведь знает, как лучше. Ведь это его поставили на столь важное, ответственное место, а не какого-то там писаку, который что-то, гляди-ка, там навалаял, ты же — сиди его правь. Тут, бывает, доходит до форменной ненависти. И это понятно: слишком много, увы, среди людей пишущих попадаетея безнадежно погубленных страстью к бумагомаранию.

Впрочем, конечно, не все редакторы любят демонстрировать, кто в доме хозяин. Есть среди них замечательные, точные, тонкие люди, чье вмешательство в текст способно только повысить его качество. Но у Вас я замечаю один пункт, который заставляет меня усомниться в том, что Вы к таковым относитесь. Поясняю: Вы вот тут в своем письме обмолвились, что отношения между редактором и автором напоминают Вам отношения «ножа и горла». Интересная мысль. Буду иметь ее в виду при общении с Вами. Но и Вы имейте в виду: я такое сублимированное живодество расцениваю как злоупотребление служебным положением в целях получения некоего извращенного удовольствия. Знаете, бывают такие формы перверсии, когда люди упиваются властью над каким-нибудь беззащитным существом, наслаждаются его трепетом. Подобного рода девиантные натуры часто идут в мясники, в медики, в следователи, в преподаватели, в литературные критики... Бывает, что они идут и в редакторы, поскольку, работая с чужим текстом, очень легко как бы невзначай дать волю некоторым своим не совсем здоро-

вым наклонностям. В результате вмешательства редактора, пристающего с ножом к горлу, от текста обычно остается всего лишь гладко обструганный обрубок без задоринки.

Давайте сразу договоримся: Вы не навязываетесь мне в соавторы. Ваше дело — только понять, что сказано в тексте, проверить упомянутые в нем факты и отследить стилистические неловкости, указав на них пальцем. Ни в коем случае ничего не надо править без ведома того, кто это вот написал. Потому что Вы, может быть, просто даже не поняли, что имелось в виду, не имеете представления о том, почему пишущий выбрал такие-то слова и поставил их в таком-то порядке. Надо знать свое место, ведь Вы же служебная фигура в процессе, а вовсе не главная.

Умоляю, не думайте, что я какой-нибудь крутовойный. Нет, я довольно покладистый. В том, что я написал выше, не было намерения Вас оскорбить. Просто я должен был пресечь Ваше поползновение к моей сонной артерии. А теперь предлагаю построить наши отношения на принципах равноправного делового сотрудничества. Давайте забудем о нездоровых отношениях «ножа и горла». Давайте будем вести себя профессионально. Если Вы с этим согласны, можно перейти к мирному обсуждению возникающих в связи с моей книжкой проблем.

И я со своей стороны обещаю: все Ваши разумные замечания и предложения учесть. Более того, в некоторых случаях я готов учесть даже Ваши не очень разумные замечания. Вот, например, Вы тут мне сообщаете, что Евгений из «Медного всадника» вовсе не поэт, а у меня в статье о Пушкине сказано, что истукан «доводит до смерти бедного сочинителя Евгения». Мол, неувязочка! Да, это хорошо, что Вы читали «Медного всадника», — но плохо то, что Вы не знаете, что в черновиках Пушкин рассматривал для характеристики Евгения варианты: «В то время мой сосед-поэт...», «В то время молодой поэт...» То есть Пушкин изначально мыслит его как поэта, хотя и не оставляет определение «поэт» в окончательном тексте. Оставляет только: «размечтался как поэт». Но и того, что в воображении Пушкина Евгений возник именно как поэт, вполне достаточно для моего анализа, ведь я не занимаюсь банальным литературоведением, меня интересует психология создания текста. А это — вещи очень разные.

Что же касается пушкинской текстологии, то — это вещь настолько безумная, что просто руки подчас опускаются. Вот Вы, например, говорите, что я ошибся в цитате «...Параше / Препоручу хозяйство наше». Вы утверждаете, что должно быть «семейство», а не «хозяйство». И Вы правы: в старом добром академическом десятилетнике написано именно так, как Вы говорите. Но я-то цитирую по изданию серии «Литературные памятники» 1978 года, а там — точно как у меня: «хозяйство». Вообще-то, в связи с тем, что в моей книге во многих местах говорится о софийности и «философии хозяйства», я бы предпочел оставить как есть. Просто — чтобы лишний раз намекнуть на софийную природу Параша. Но если Вам ближе «семейство», пусть будет. Для моих целей оно тоже годится.

Кстати, это касается не только Пушкина. Между публикациями многих произведений литературы XX века существует огромное количество разночтений, что обусловлено как многолетней советской цензурой, так и тем, что академических изданий этих текстов до сих пор не существует. К тому же ныне здравствующие авторы вольны вносить в новые издания любые изменения.

Короче, мне более или менее все равно, по какому именно изданию цитировать. Ну не бодаться же мне с Вами по пустякам, а Вам, глядишь, будет приятно пригнать меня. Не скрою: в последнее время я исхожу из того, что не всем можно все объяснить. Действительно, если даже профессионально занимающийся литературой человек толком не знает Пушкина и не понимает того, что написано черным по белому в тексте, который он хочет облагородить, то что же говорить о так называемом рядовом читателе? Дописывать для него текст? Все подробно разжевывать? Объяснять, что я не верблюд? Да нет, лучше выкинуть кусок, и дело с концом.

Иными словами: я Вам весьма благодарен за присланные замечания. Они хоть по большей части и бьют мимо цели, но зато задают мне некую планку, выше которой лучше не подниматься, чтобы не остаться непонятым. Ваш уровень понимания я беру за мерило. Это

должно Вас порадовать. Но, конечно, при всем желании радовать Вас я не буду выкидывать (и даже править) принципиальные куски, из-за исчезновения или изменения которых текст начнет рушиться. По-моему, это приемлемый компромисс.

Теперь что касается общей структуры книги. Предложение разбить тексты по темам: раздел о Солженицыне, раздел о мифологии Змея в русской литературе и т. д. — не так уж и глупо. Однако я думаю, что более естественной была бы иная структура: две больших части, первая из которых посвящается литературе прошлого, а вторая — литературному процессу современной эпохи, начавшейся после того, как была объявлена гласность. И плюс еще третья часть, в которую входит всего один текст¹ «Монументальная двусмыслица». Он стоит особняком. Во всех других текстах книги речь идет о литературе и о влиянии на нее живой жизни, а здесь — о памятниках. И вот что забавно: в данном случае так получилось, что литературный текст повлиял на текущую жизнь. Представьте, после его выхода в «Независимой газете» в редакцию пришло письмо из Московской мэрии, в котором было обещано демонтировать монумент всесильного Церетели. И действительно через несколько месяцев этот шедевр был убран с Поклонной горы.

Впрочем, я что-то отвлекся. Возвращаясь к структуре книги, предлагаю в каждой из двух больших частей расположить тексты в хронологическом порядке. Конечно, при таком раскладе статьи о том же Солженицыне не смогут стоять рядом, что выглядит вроде бы нелогично. Однако это оправдано другой логикой: логикой времени возникновения текстов. Это лишь на первый взгляд кажется, что возникали они совершенно случайно: какая-нибудь круглая дата, заказ редакции, мой ничем не оправданный интерес к какому-то произведению, некие политические события, которые мне хотелось поставить в общекультурный контекст и т. д. Но теперь, когда я, готовя статьи к публикации в книге, собрал их вместе, стало видно, что возникали они далеко не так уж случайно. Поводы были случайны, а вот то, что было написано по этим поводам, сложилось в систему.

Скорее всего, так случилось потому, что помимо тех конкретных литературных произведений, о которых мне приходилось писать, меня волновали вещи, лежащие за пределами собственно литературы, в первую очередь — некий Демон сочинительства, то, что является импульсом к созданию литературы, что движет пером писателя и, таким образом, входит в текст помимо его воли. Почему, например, Ильф и Петров привязали свой роман «Двенадцать стульев» именно к пасхе? Я этого не могу объяснить, вряд ли они и сами имели представление о том, как влиял мистический календарь на их текст. Но последствия этого влияния в романе весьма существенны. Статьи, которые я подобрал для этой книги, посвящены как раз выявлению подобного рода таинственных воздействий на пишущего. А ведь это, согласитесь, немного иная история, чем просто разговоры о художественном произведении и его авторе. Тут, скорее, проглядывают перипетии погони за этим Демоном², более или менее удачные опыты его поимки. Ясно, что мой метод охоты со временем эволюционировал. Любой непредвзятый читатель увидит, что мои первые робкие попытки поимки Демона сочинительства отличаются от более поздних. Это потому, что каждый следующий текст основывается на более изощренных

¹ Это Предисловие написано для издания 2005 г., вышедшего в издательстве «Лимбус пресс» в серии «Инстанция вкуса». В настоящем издании оно оставлено без каких-либо изменений, однако стоит иметь в виду, что третья часть (которая в настоящем издании составляет отдельную, третью книгу) теперь значительно расширена за счет текстов, написанных Олегом Давыдовым для интернет-журнала «Перемены» (Peremeny.ru) — для раздела «Блог-книга Осьминог», который Олег вел с 2007 по 2017 гг. в качестве редактора и со-автора. Ко второй же части (книге) добавлен текст «Лгу», написанный также в недрах журнала «Перемены», в 2009 г. — как ответ на просьбу Виктора Топорова, ставшего, к слову, инициатором первого издания книги «Демон сочинительства». — *Здесь и далее примечания издателя второго издания.*

² Термин «Осьминог», попадающийся в третьей книге настоящего издания, можно уверенно считать синонимом используемого здесь термина «Демон». В обоих случаях речь идет о том, что Фрейд называл «Бессознательным» и что Юнг позже стал толковать более расширительно, используя термины «Коллективное Бессознательное», «Объективная психика» и «Нуминоз».

приемах охоты, чем предыдущий. Вот эту эволюцию мне хотелось бы сохранить, располагая тексты в хронологическом порядке.

И с этим связана проблема повторов. Разумеется, я убираю их там, где это можно сделать безболезненно. Но есть повторы, которые в свете того, что я сказал выше, совершенно оправданны. Например, в статьях «Квадратура „Круга“» и «Демон Солженицына» есть почти дословные совпадения. Но ведь в этих двух статьях, несмотря на некоторое сходство, говорится, в сущности, о разных предметах. Одна из них — развернутая рецензия на роман «В круге первом», а вторая — психологизированная биография его автора. В результате в этих статьях из одинаковых посылок делаются выводы, уходящие в совершенно разные сферы. Тут уж, чтобы убрать повторы, пришлось бы переписывать тексты, к чему я сегодня совершенно не готов.

То же самое касается и нескольких других пассажей, повторяющихся в разных статьях. Можно было бы попытаться их убрать, сославшись на то, что это я говорил уже там-то. Но ведь в рамках другого анализа, другого материала, другого контекста — те же самые мыслительные ходы дают не совсем те же самые результаты. Часто обнаруживается что-то новое. Не скрою, когда я только начал подбирать тексты, которые Вы теперь редактируете, у меня были опасения насчет этих повторов. И тогда еще, обсуждая с Вашим главным редактором³ состав книги, я поделился с ним этими опасениями. В разговоре мелькнуло словосочетание «приращение смысла». Сожалею, что не я придумал его, ибо оно очень удачно. Оно прекрасно объясняет неизбежность некоторых повторов в книгах серии, где собираются под одну обложку статьи, написанные одним автором, но — в разное время и по разным поводам (кстати, должен Вас предупредить, что здесь я восстановил некоторые куски, выброшенные при публикации в газетах из-за недостатка места).

Время и поводы к написанию текстов, конечно, накладывают на них свой отпечаток. Те десять лет, в которые были написаны основные статьи этой книги, — эпоха редчайшая в истории нашей страны (хотя и — периодически возвращающаяся). В другие времена эти тексты не могли бы быть ни написаны, ни напечатаны. И теперь эта эпоха свободы уже завершилась. Жаль было бы выбрасывать ее приметы, там и сям попадающиеся в текстах. Конечно, Вы правы: о некоторых событиях, упомянутых в моих статьях, читатель уже позабыл. Такие сделанные походя упоминания надо выбросить. Но кое-что стоит оставить — просто для того, чтобы сохранить аромат ушедшего времени. По-моему, это было бы правильно в серии, которая называется «Инстанция вкуса».

И кстати, напоследок об этой ускользающей инстанции. Не я назначил себя «инстанцией вкуса», это издательство «Лимбус Пресс» делегировало мне право быть таковой в этой книге. Так чего же нам с Вами спорить по мелочам. Давайте я Вам лучше объясню, что я понимаю под «вкусом». По-моему, это вовсе не такая субъективная вещь, как иногда говорят. Для меня это просто особая точка в духовном пространстве, предполагающая особый угол зрения. Достаточно взглянуть из нее на предмет, чтобы увидеть то, что не видно из других точек. Однако ведь каждый может поставить себя в эту точку. И тогда он увидит то, что раньше ему невозможно было увидеть. А если так, то и спорить здесь не о чем.

*Искренне Ваш
Олег Давыдов
2005 г.*

³ Имеется в виду Виктор Топоров.

КАРЛО МАРКС И ИОСИФ СИЗЫЙ НОС. Кукольный коммунизм Алексея Н. Толстого

Может ли быть что-нибудь безличней и абстрактней электрической энергии? Энергия вот этой реки индивидуальна. Все другие энергоносители тоже по-своему индивидуальны: торф, уголь, нефть, человек... А энергия, извлеченная из носителей и превращенная в киловатт-часы, — это как раз чистая отвлеченность, в которой невозможно разглядеть ничего индивидуального. Полная обезличенность. Символ обезлички. И вот как раз эту отвлеченную идею закладывают в формулу, определяющую Царство Небесное: «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны». Из этой формулы ясно, что речь идет не только о налаживании системы электроснабжения. Речь идет, главным образом, об обезличивании всей страны, об абстрагировании от личного во имя общегосударственного. Советская власть плюс обезличивание энергии народа — вот как надо понимать коммунизм.

Миф о плане электрификации очень удачно рассказан одним из самых влиятельных советских мифографов Алексеем Николаевичем Толстым. Напомню, чем заканчивается его знаменитая мифологическая эпопея «Хождение по мукам». По протекции коменданта Большого театра, «нашего морячка, с крейсера „Аврора“», все главные ходоки по эпическим мукам революции попадают на заседание, где принимается план ГОЭЛРО. Заседание это в Большом театре обставлено как грандиозный спектакль. В глубине сцены с колосников свешивается карта европейской России, покрытая разноцветными кружочками и окружностями. Перед картой — главный актер Кржижановский. Он произносит свой монолог, указывая на карту, «на тот или иной цветной кружок, загорающийся тотчас столь ярким светом, что тусклое золото ярусов в зале начинало мерцать». Спектакль столь грандиозен, что для освещения карты «понадобилось сосредоточить всю энергию московской электростанции, — даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были вывинчены все лампочки, кроме одной — в шестнадцать свечей».

Погрузить во тьму самое правительство ради сомнительных манипуляций с разноцветными кружками — это, знаете-ли, какой-то модернистский изыск. Да и весь этот «волнующий сценарий» достоин кукольного театра «Молния» — того самого райка, который обрел Буратино в результате хождений по кукольным мукам в «Золотом ключике», детской версии взрослого «Хождения», написанной все тем же Толстым.

«Хождение по мукам» начинается и кончается в обстановке театральности. Мучительный поход к электротехнической справедливости разыгрывается на «гигантской трагической сцене» людьми, которые чувствуют и называют себя актерами. Дано этому и обоснование: на одном из митингов перед солдатами, которые в одной деревне собрались представить «Разбойников», Сапожков говорит «о революционной ломке театра, об уничтожении всяких границ между сценой и зрителем, о будущем театре под открытым небом <...>, где будут участвовать целые полки, стрелять пушки, извергаться настоящие водопады и героическими персонажами будут уже не отдельные актеры, но массы». Так и будет. Это он намекает на План электрификации. Вскоре люди, представляющие «Разбойников», приедут в Москву принимать этот план, и один из них («Карл Моор») скажет по поводу исторического заседания в Большом театре: «Крупный бой пришлось выдержать из-за этой петрушки».

Смачно сказано, но, насколько я понимаю в литературе, Алексей Николаевич Толстой хотел сказать: из-за этого Петрушки. Имеется в виду, конечно, Буратино. Его кукольные хождения точно соответствуют хождениям по мукам человеческих персонажей и заканчиваются, естественно, тоже в театре. Но только не в Большом, а в маленьком. Театр называется «Молния», что без обиняков указывает на электрификацию. Я вовсе не утверждаю, что каждому герою «Хождения по мукам» соответствует кукла в «Золотом ключике». Это было бы бессмыс-

ленным удвоением. Но вот то, что в основе этих произведений лежит один сценарий, одна идея, один миф, можно утверждать смело. Сразу и назову его — это алхимический миф. Социальный вариант мифа о превращении неблагородного металла в золото. Чистое золото социальной гармонии. Для такого превращения нужны, конечно, технические средства и рецептура. Они найдутся в «Золотом ключике», надо только истолковать его, что сделать значительно проще, чем продираться через длинное и запутанное «Хождение по мукам».

Существует две версии «Золотого ключика»: сказка и пьеса. В пьесе появление полена, из которого вырежут Буратино, происходит одновременно с потерей директором старого кукольного театра, К. Барабасом, ключика от царства светлого будущего. Внезапно налетает вихрь, сопровождаемый громом и *молнией*. Ключ исчезает, но зато под ноги столяру Джузеппе падает полено. Чудеса! Джузеппе пытается сделать из него ножку стола, но полено пищит, разговаривает, и испуганный столяр старается побыстрее избавиться от него, передает шарманщику Карло, который вырезает из чудесного полена куклу Буратино.

В этом зачине настораживает то, что как бы незначашие имена героев Толстого отличаются от имен героев итальянской сказки, являющейся прообразом «Золотого ключика». В сказке Коллоди полено находит не Джузеппе, а некий Антонио. Куклу делает вовсе не Карло, а Джузеппе. Почему это так? Ну, понятно, что столяр Джузеппе — это Иосиф-плотник, номинальный отец Иисуса Христа. Но вот папа Карло-то кто? И почему это он получает полено? Пусть на меня никто не обижается, но никем иным, кроме Карла Маркса, вождя и учителя мирового пролетариата, папа Карло и быть может. А передача полена от Иосифа к Карлу означает смену вероучения, осуществившуюся в голове «красного графа» не позднее 1924 года. Ибо именно в этом году вышла в Берлине первая, пока еще робкая, переработка Толстым сказки Коллоди о деревянном мальчике. Уже в этой ранней переработке Карл Маркс изготавливает марионетку-пролетариат. Теперь можно ожидать серьезных изменений в обществе.

И начинается алхимия. Прошу предельного внимания. Для трансмутации (превращения неблагородного вещества в золото) нужен посредник — философский камень, эликсир мудрецов, медикамент. Именно медикамент, ибо согласно тайным учениям сера, скажем, — это больное золото, которое надо вылечить. В социальном аспекте — больно общество. Его надо лечить. Трансмутировать серу несправедливости в золото справедливости. До основания разрушить больной мир насилия, чтобы сам собой возник новый мир. Это можно сделать только при помощи философского камня теории. А где его взять? Синтезировать. И вот благородный старик папа Карло вырезает из чудесного полена куклу: выводит в реторте еще не познавших себя социальных движений новую силу — пролетариат. Пролетариат и раньше существовал, но в виде бесформенного полена. И только Карл Маркс своими писаниями оформляет его, наделяет сознанием и, главное, самосознанием. Создает из смутной идеи теоретическое понятие и практический инструмент действия одновременно. Теперь с помощью этого философского камня можно приступить к изготовлению золота. «До сих пор философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», — сказано в одиннадцатом алхимическом тезисе Маркса о Фейербахе.

Надо сказать, что пролетариат оказался довольно ядовитой химикалией. Еще будучи поленом, он уже начинает безобразничать. «Послушай... — говорит папа Карло, — Я тебя еще не кончил мастерить, а ты уже начинаешь баловаться... Что же дальше-то будет?» Деревянного мальчика дальнейшее покуда не интересует, но мы прекрасно знаем, что Буратино потребует есть: «Не успел родиться — и уже голодаю... Какое свинство!» И основоположник отвечает: «Ты прав, малыш...» Но вообще-то ничего экстремистского, кажется, не предполагается. Папа Карло сначала предлагает своему пролетариату медленный путь социал-демократии. «Окончишь ты школу, Буратино, и будешь ты, например, сельским учителем». И тогда нарисованный очаг с нарисованной похлебкой — картина, висящая в мастерской нашего алхимика, — станет реальным очагом с кипящей на нем настоящей бараньей похлебкой.

К сожалению, этот путь не устраивает неразумную куклу. Пока папа Карло ходил за кусочком хлеба и азбукой, пролетариат инстинктивно и, главное, самостоятельно нащупал выход из состояния бедности. За нарисованным на холсте очагом с бараньей похлебкой он нашел потайную железную дверцу. Так обычно и бывает: влекущие художественные грезы о пище и мещанском уюте в конце концов приводят к обнаружению радикального выхода, скрывающегося за мечтами, — потайной железной двери, ведущей в царство светлого будущего путем революционной борьбы. Пока Маркс писал свой «Капитал» и прочую азбуку политэкономии (ходил за корочкой хлеба и азбукой) — пролетариат, им созданный, начал действовать. Вскоре уже он обменяет эту теоретическую азбуку революционной теории на реальную революционную борьбу в кукольном театре Карабаса Барабаса.

Беспорядки, спровоцированные в кукольном театре, ведут Буратино к аресту. Карабас хочет уничтожить бунтаря, ибо из-за него куклы от рук стали отбиваться. «Пробыл в мастерской только одну ночь, и куклы уже начинают дерзко разговаривать, выражать неудовольствие. Изволите видеть, я их плохо кормлю, я их заставляю много работать». Сжечь его в очаге! Но вдруг выясняется, что Буратино знает тайну железной двери, то есть — нужен Карабасу. Злой директор старого мира в известном смысле уже зависим от Буратино. Или, как сказано в «Манифесте Коммунистической партии» — «Буржуазное общество <...> походит на волшебника, который не в состоянии больше справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями». Приходится идти на подкуп — Буратино получает пять золотых монет. Однако это повышение зарплаты не идет пролетариату на пользу. Деньги, посеянные в рост на поле чудес в Стране дураков, пропадают из-за нечестной игры буржуазии — лисы Алисы и кота Базилио.

Уйдя от лисы и кота, Буратино попадает в руки куклы Мальвины: «Теперь я займусь вашим воспитанием — будьте покойны». Кто же она? В сказке Коллоди — прекрасная фея с голубыми волосами, могучая волшебница, живущая на опушке таинственного леса уже более тысячи лет. Она появляется в самые критические моменты приключений деревянного человечка и учит его, как стать человеком настоящим: «Надо только привыкнуть быть хорошим мальчиком». Очень многое в сказке Коллоди напоминает «Золотого осла» Апулея, что наводит на подозрение: прекрасная фея — это Изида, «мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшая из божеств, единый образ всех богов и богинь». Как видим, речь у Апулея и Коллоди идет о Вечной женственности, Душе мира, Софии Премудрости Божией, наиважнейшем ингредиенте алхимических реакций «таинственного соития». Толстовская Мальвина — тоже, конечно, Вечная женственность, Душа мира, все зверушки, от мышки до аиста, помогают ей. Но это к тому же — Душа, исполненная очень высокого гражданского и социального пафоса. Эта София-Премудрость кукольного революционного движения — что-то вроде олицетворения коммунистической партии, РСДРП (б). К этой музе социальной гармонии нового мира тянутся всякого рода Пьеро, Буратино и псы Артемоны (то есть Телегины и Рощины). Она влечет прогрессивное юношество в революцию, это незаменимая партийная барышня, вечная тусовщица, обожаемая парткавалерами, грезящая Вера Павловна, необходимый элемент всякой смутянской структуры. По ней все вздыхают, ради нее совершаются подвиги. Впрочем, если это любовное принуждение не действует, будет применено силовое. Боевик Артемон всегда готов к этому: «Не упирайся, а то укушу...»

Не должно удивлять, что Мальвина уж слишком строга. Сказка писалась в 36-м, а пьеса в 38-м году, и, естественно, события этих лет отразились в текстах. Партия-Мальвина страстно любит воспитывать. И уже заранее распаляется, ожидая ошибки ученика. Малейшая клякса приводит к репрессиям: «Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны. Артемон, отведите и заприте его в темный чулан». Что ж, органы должны подчиниться партийной премудрости (дисциплине): «Идем, ничего не поделаешь». И жалкий лепет оправдания ничему не поможет. Ибо таков режим воспитания нового человека. И не только в 37-м. Значительно

раньше товарищ Бухарин писал, что «принуждение, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Или, как говорит кукольное воплощение партийной премудрости: «Поймите, Артемон, если заниматься воспитанием, то надо заниматься со всей строгостью. Как будто мне приятно наказывать Буратино». То-то и оно, что все это не репрессии, но алхимическое создание нового общества. И не беда, что при этом страдает пролетариат.

Основное отличие Мальвины от ее прообраза (феи Изида) в том, что первая хочет воспитать «нового человека», а вторая — просто человека. У Коллоди излагается история личности, а у Толстого — история партии, ведущей народ к свершениям электрификации. Понятно теперь, что социальная алхимия приводит к построению нового общества путем изъятия личности. И не случайно то, что субъекты борьбы — куклы. Куклами они останутся и после победы. Им уготована участь вечного повторения все одного и того же сценария. Действительно, в момент обретения нового театра Буратино заявляет: «В этом театре мы поставим комедию — знаете какую? — «Золотой ключик, или Необыкновенные приключения Буратино и его друзей». Но ведь эта буратинья идея предполагает дурную бесконечность идентичных циклов, вставленных один в другой по принципу матрешек. Или — стишка «У попа была собака...» На могиле несчастной собаки начертана формула безысходности.

У Коллоди деревянный мальчик все-таки превращается в человека. И на этом процесс завершается. А у Толстого мальчик должен будет снова вступить в союз с мягкотелым интеллигентом Пьеро, а также с армией в лице пуделя Артемона и снова бороться с темными силами самодержавного директора Карабаса Барабаса. Снова извлекать золотой ключик из «торфяного болота», снова открывать железную дверь, снова обретать в подземелье новый кукольный театр и волшебную книгу. И, достигнув успеха, снова все начинать сначала. При завершении каждого нового цикла этой борьбы Буратино вынужден будет повторять: «Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!» Такова его злая карма.

Январь 1991

ГАДЫ. Пророчество Михаила Булгакова о путче 19 августа 1991 года

«В ночь с 19-го на 20-е августа <...> упал неслыханный, ни кем из старожилов никогда еще не отмеченный, мороз. Он пришел и продолжался двое суток, достигнув 18 градусов. Остервеневшая Москва заперла все окна и двери. Только к концу третьих суток поняло население, что мороз спас столицу и те безграничные пространства, которыми она владела и на которые упала та страшная беда...»

Фантастическая эта картина была нарисована Михаилом Булгаковым в последней главе повести «Роковые яйца». Это повесть о гадах, расплодившихся под «красным лучом», открытым профессором Персиковым, была написана в 1924 году, а действие ее происходит в 1928-м году. Такая дата многих наталкивала на мысль, что повесть — пророчество о конце нэпа, чью чичиковщину писатель не очень-то жаловал. Да и как ее жаловать? Ведь и сегодня, близко сталкиваясь с иным бизнесменом, невольно вспоминаешь приговор, произнесенный Булгаковым в конце «Похождений Чичикова»: «Камень на шею и в прорубь». Но тут же и понимаешь: нельзя — объективный процесс! — под «красным лучом» должны процвести в первую очередь будущие капитаны российского бизнеса...

Впрочем, с недавнего времени стало совсем очевидно, что пророчество Булгакова и глубже и шире. В «Роковых яйцах» он говорит вообще о рассвете и конце большевизма в России. Причем, напророчив этот конец, беллетрист абсолютно точно указал день и месяц избавления от гадов коммунизма. А вот год отнес к некоему символическому будущему. Не 1991 ли год имелся в виду? Ну, разумеется, август этого года не был холодным, но, заметим, метафоры, которые издревле употребляются в России для характеристики политических процессов, обычно связаны именно с температурными явлениями: «похолодание», «оттепель», «Россию надо подморозить», «теплые ветры перемен». Именно попыткой «подморозить Россию» и был августовский путч, закончившийся гибелью крокодилов и змей русского коммунизма. «Их задушил мороз. Двух суток по 18 градусов не выдержали мерзкие стаи, и в 20-х числах августа, когда мороз исчез, оставив лишь сырость и мокроту, оставив влагу в воздухе, оставив побитую неожиданным холодом зелень на деревьях, биться более было не с кем. Беда кончилась».

СТРАШНАЯ МЕСТЬ ЦАРЕВНЫ-ЛЯГУШКИ

Но с чего же беда началась? Давайте вспомним, как был открыт «красный луч». Профессор Персиков, большой знаток голых гадов (в число коих входят лягушки) был отвлечен как-то раз от своего микроскопа... Ассистент позвал его посмотреть приготовленный препарат: «Полузадушенная и обмершая от страха и боли лягушка была распята на пробковом штативе, а ее прозрачные слюдяные внутренности вытянуты из окровавленного живота в микроскоп». Полтора часа Персиков мучал лягушку, а когда с сожалением («сворачивается кровь, ничего не поделаешь») закончил свой садистский эксперимент, «лягушка тяжело шевельнула головой, и в ее потухающих глазах были явственны слова: «Сволочи вы, вот что...»» Уж не этот ли зловещий взгляд замученной ради науки лягушки стал причиной беды — открытия, которое сделал профессор, вернувшись к своему микроскопу. Об открытии позже, а пока — о лягушках, которым Булгаков в своей повести уделяет подозрительно много внимания.

Всякий, кто хоть раз в жизни видел, как физиологи режут лягушку, не мог не заметить, насколько это занятие напоминает действия римских солдат, распявших Иисуса Христа. Просто какая-то изощренная пародия. Лягушку буквально распинают, прикалывают ее конечности к специальной пластине булавками. Дальше ее уже можно мучить сколько угодно — вспары-

вать грудь, приставлять электроды к нервам, бить током, капать кислотой, следить за реакциями... Не напоминает ли это того, что делали большевики, взяв власть в России? Нет, я вовсе не хочу сказать, что они горели желанием распять Россию, сознательно совершали ритуальное убийство. Я о другом: вот, например, известно, что товарищ Антонов-Овсеенко, арестовывая Временное правительство, пригладил свои отпущенные а ля нигилист патлы и произнес для истории фразу: «Какой великий эксперимент начинается!» Вот именно: эксперимент.

Я думаю, что Булгаков особенно подчеркивает тот факт, что открытие «красного луча» произошло именно на улице Герцена, не только потому, что там располагается зоологический музей, но еще и потому, что как раз в тех местах, в переплетении нынешних улиц Герцена, Огарева, Станкевича, некогда происходили собрания кружков, описанных, например, в «Былом и думах». Именно здесь молодые «отцы» русской демократии зачинали «детей» — нигилистов типа Базарова. А, как известно, любимым занятием этих «детей» было даже не столько «надо всем глумиться», как считали постаревшие «отцы», сколько «лягушек резать». В этом резанье бедных лягушек было прямо нечто мистическое. И сколько бы Базаров ни отрешивался от мистики, говоря, что «природа не храм, а мастерская», за его действиями угадывается нечто вполне ритуальное, какие-то лягушачьи жертвоприношения божеству позитивизма. Жертвоприношения, корни которых — в глубокой древности. Вспомним хотя бы о сжигании кожи Царевны-лягушки Иваном-царевичем. В сказках бессмысленные эксперименты над лягушками тоже приводят к плачевным последствиям.

О ПРИРОДЕ ГОЛОГО ГАДСТВА

Что касается Базарова, то он не только теряет свою Царевну-лягушку (экспериментируя с Одинцовой), но, в конце концов, приносит и самого себя в жертву божеству позитивизма (вскрывая труп человека). Это закономерный конец: ведь любое жертвоприношение, как и любой эксперимент, имеет в виду прежде всего человека. Уже в самом начале романа Базаров объясняет мальчишкам свою религиозную страсть так: «Я лягушку распластаю, да посмотрю, что у нее там внутри делается; а так как мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим, я и буду знать, что и у нас внутри делается». Сказано с предельной откровенностью: человек изнутри — та же лягушка. И хоть, возможно, Базаров имеет в виду только физиологию, но выговаривается-то нечто большее: все специфически человеческие отправления суть лишь «рефлексы головного мозга». А отсюда один только шаг до мысли, что человек в глубине души — «голый гад». И значит, голое гадство можно извлечь в чистом виде из недр человеческого подсознания. Как же это можно осуществить?

Вот и настало время поговорить о сущности открытия профессора Персикова. Вспомним: замучив Царевну-лягушку, он вернулся к своему микроскопу и увидел: пока он пытал природу, под микроскопом творились удивительные дела. В завитке, получившемся из-за того, что микроскоп был оставлен не в фокусе, выделился луч ярко-красного цвета, и в этой «красной полосочке кипела жизнь». «Серенькие амебы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней (словно волшебным образом) оживали. Какая-то сила вдохнула в них дух жизни. Они лезли стаяй и боролись друг с другом за место в луче. В нем шло бешеное, другого слова не подобрать, размножение <...>. Эти организмы в несколько мгновений достигали роста и зрелости лишь затем, чтобы в свою очередь дать новое поколение. В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны».

В этом смачном булгаковском описании нетрудно, конечно, узнать простейшее устремление не только амебы, но и натурального, не сдерживаемого никакими нормами морали и культуры, человека. Устремление туда, где сытнее и лучше живется, а также — борьбу за выживание в этом благодатном месте. После революции таким местом была партия. А точнее — ее аппарат. Прекрасно известно, как стремительно рос этот аппарат и какая борьба развернулась за место под его электрическим солнцем. (Булгаков утверждает, что «красный луч» получается только от электрического света, что прямо вытекает из ленинской формулы коммунизма: «плюс электрификация»).

Впрочем, то, что люди стремятся туда, где лучше живется, — это еще не открытие Персикова. Открытие Персикова состояло в том, что «красный луч» способствует росту гадов и интенсифицирует их размножение. Он начал исследовать этот феномен и построил аппарат, многократно усиливающий «красный луч». Такой аппарат мог сам отобрать и вырастить самых крупных гадов из тех, что «отличались какой-то особенной злобой и резвостью».

КРАСНЫЙ ЛУЧ УЧРАСПРЕДА

«Красный луч», «перепутанные яйца», «голые гады» — все это язык символов, созданный Булгаковым из семантического материала самой жизни. Создавать и использовать символы — это значит говорить о сути явлений, то есть сразу о многих вещах, генетически связанных с этой сутью. И кстати, это единственный способ удачно пророчествовать. Но, одновременно, и вуалировать злободневную суть дела.

А дело вот в чем: большевики не только бессмысленно экспериментировали над Россией, выпустив ей кишки и пробуя на ней все подряд: военный коммунизм, гражданскую войну, голод, красный террор и так далее. Они еще думали о «выработке коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин). И при том это не были какие-то там абстрактные разговоры. В те годы издавалось множество книг по евгенике. Товарищи более-менее отдавали себе отчет в том, чего хотели. Они осмыслили это даже на психофизиологическом уровне. Вот, например, что говорил в 1924-м году первый народный комиссар здравоохранения товарищ Семашко: «Некоторые большевики говорили как-то мне, что меньшевики и большевики различаются по темпераменту... Рефлексия (в худшем случае трусость) лежит в основе меньшевика, как психологического типа. Боевой темперамент — основа психологии большевика». Булгаков такую «основу психологии» называет «особенной злобой и резвостью». Вот эти прекрасные большевистские качества и надо было найти в человеке (в его коллективной душе), а затем выделить в чистом виде, отбросив ненужное (слишком человеческое). Нужно было построить аппарат для выработки нового человека, а точнее — голого гада из человека.

В полную силу такой аппарат начал действовать уже в 1924 году. Самой существенной его частью был так называемый «Учетно-распределительный отдел» (Учраспред) при Секретариате ЦК партии. Пользуясь проникающей силой «красного луча», влекущего к себе существ «боевого темперамента», Учраспред подбирал самых «лучших и сильных» («ужасных») и отправлял их на места губернских и уездных секретарей партийных комитетов. Это исключало попадание на секретарство случайных людей и значительно убыстряло процесс огадывания партии. Ибо — секретари на местах подбирали (по своему образу и подобию) делегатов на съезд партии. А уж съезд, состоящий из таким образом набранных «наших» людей, выбирал Секретариат. Круг замыкался — секретариат воспроизводил сам себя и давал все более чистые (в смысле голого гадства) поколения партийных работников. Причем поколения эти сменялись стремительно, съезды собирались каждый год, под животворным «лучом новой жизни» (как окрестили журналисты открытие Персикова) «шло бешеное размножение».

Если кто-то увидит в функционировании этой системы сходство с работой самогонного аппарата, я не смогу ничего возразить. Тут действительно использована принципиальная схема перегонного куба: на местах происходит брожение, и из это разогретой гражданской войною бурды в змеевик съезда направляются самые «лучшие». А затем в ректификационной колонне Учраспреда отбираются лучшие из лучших — «ужасные». В дальнейшем этот первач можно еще перегнать... Так в борьбе рождался номенклатурный народ, воспроизводя характер Секретариата. Точнее, характер генсека, каковым в те годы был Сталин. Вот почему он буквально — отец. Родитель номенклатурного народа голых гадов. Народа, который возник из бродящего суслу гражданской войны.

ЯЙЦА ТОВАРИЩА РОККА

Сам-то Булгаков прекрасно отличает «голых гадов», с которыми экспериментировал профессор Персигов, от «пресмыкающихся», которые потом шли на Москву. Это студенты-марксисты (подчеркивает Булгаков) не различают таких простых вещей, и на этом их «режет» профессор: «Тазовых почек нет у голых гадов. Они отсутствуют. Тэк-то-с. Стыдитесь». Но все же почему писатель изображает разразившуюся катастрофу как нашествие змей, не лягушек? Для ответа на этот вопрос, вероятно, пришлось бы входить в детали не менее тонкие, чем наличие или отсутствие тазовых почек.

Не станем забираясь в такие дебри. Просто вспомним, что в фольклоре человек (или небесное существо) обычно борется все-таки не с лягушкой, а с пресмыкающимся — змеем или драконом. Вероятно, эта исконная архетипика и заставила Булгакова построить повесть так, что герой ее, Рокк, по неведению положил под «красный луч» именно змеиные яйца вместо куриных, которые (кстати о различиях) даже марксист никак не смог бы спутать с лягушачьей икрой.

Вообще, архетипика — странная штука. Посмотрите, что происходит вокруг. Сразу же после августовского путча по телевидению показывают фильм под характерным названием «Убить дракона», Москве возвращают ее древний герб с изображением Георгия, побивающего змея. Это вроде бы вполне объяснимые, естественные акции, но вот приходящая вместе с ними тема змеборчества слегка настораживает. А тут еще в газетах появляются сообщения, что в Москве завелись гадюки. «Московский комсомолец» сообщает, что в одном доме «отловлено 11 змей». Ведь никогда ничего подобного не было. Как прикажете понимать этих расплодившихся пресмыкающихся? Это что — выдумка? Или, может быть, змеи, зародившиеся в нашем воспаленном августовскими событиями воображении, вошли в явь, стали плотью... И вот уже ими всерьез занимаются — цитирую: — «комиссия правительства Москвы по чрезвычайным ситуациям, СЭС, зоопарк, штаб гражданской обороны города и Свердловского района, служба „Скорой помощи“, депутаты».

С какими московскими змеями борются ныне депутаты, я, правда, не знаю. Может, и с настоящими. Что касается змей из булгаковской повести, то это, несомненно, гады, гнездящиеся в человеческой душе. Иными словами: дурные инстинкты. Их носителями являются многие персонажи Булгакова, в частности Шариков из «Собачьего сердца». В «Роковых яйцах» рептильные эти инстинкты представлены в чистом виде, сами по себе, без привязывания к человеку или собаке. Позже Булгаков населит змеями и крокодилами души некоторых своих героев.

Не нанесен ли красным лучом непоправимый ущерб генофонду нашего народа? — спрашивают ныне иные любители генетики. Собственно, тот же вопрос интересовал и Булгакова, но только ставился он у него в человеческой форме: «Изменились ли эти горожане внутренне?» Воланд, приехавший в Москву, чтобы это проверить, заключает: «Ну что же... они люди как люди... В общем, напоминают прежних». Мне кажется, этот вывод верен и сегодня.

Трех-четыре поколений, прошедших между внедрением «красного луча» и его запрещением, совершенно недостаточно для того, чтобы вывести новую породу людей. А вот новую породу гадов (духовных глистов), живущих в людях, вполне можно вывести. Ведь поколения партийных работников первоначально сменялись под «красным лучом» почитай каждый год, если не чаще. Так что тут вполне могла выработаться новая порода. У иных экземпляров прямо так изнутри и проглядывает «существо коммунистической эпохи».

Август 1991

СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ, НО ТОЛЬКО НЕ БОЖИЯ. Что показывают часы Николая Погодина

Посвящается Ольге Погодиной

Со стороны все было очень глупо
(Я факты рассказал, виденья скрыв).
Владимир Соловьев. Три свидания

КУКЛА ДЛЯ ДОЧЕРИ КРАСНОАРМЕЙЦА

В первой картине пьесы Николая Погодина «Кремлевские куранты» инженер-электротехник Забелин, по случаю разрухи торгующий на импровизированном рынке спичками, провоцирует красномордую торговку куклами так: «Молчат кремлевские куранты... Что вы думаете по этому поводу, сударыня?» Ответ торговки куклами: «У меня тоже с комода будильник упал и остановился. У кого починить, не знаю». По мнению Забелина, это глупость, о чем он немедленно сообщает торговке. Я бы на его месте поостерегся говорить такие вещи женщине, у которой сломались часы. Я бы скорее спросил, почему она уронила свой будильник на пол?

Если у вашей знакомой поломались часы, это с большой долей вероятности означает, что в ее организме случились какие-то неполадки. Погружаясь в свои переживания, она могла нечаянно уронить или испортить часы. Ведь женский организм — это как раз и есть самые настоящие часы... Впрочем, реальная жизнь слишком сложна, чтобы можно было делать из такой мелочи, как поломка часов, какие-нибудь определенные выводы. Вот если бы женщине приснились, скажем, ее остановившиеся часы, тогда можно бы было более серьезно задуматься о состоянии ее менструального цикла. Да и мужской сон с остановившимися женскими часиками заставляет задуматься. Ну и, конечно же, прямо-таки приковывает внимание остановка часов в литературном произведении или на сцене.

Ибо в идеальном пространстве, каковым является сцена или книжная страница, всякое действие, всякий предмет, всякая реплика имеют значение не столько бытовое, сколько символическое. Я, быть может, ломлюсь в открытую дверь, но, поскольку такие вещи часто забываются, хочу подчеркнуть еще раз: на сцене и в книгах действуют не реальные люди, а идеальные сущности, божества. Это идеальное пространство есть изначально пространство богослужения и богоявления. Оно таковым навсегда и останется, сколько бы ни пытались его выхолостить, опустить до быта. Это мир бытия, где нет места ничему случайному. Здесь всякое ружье, повешенное на стену, обязательно выстрелит к последнему акту — даже если автор повесил его только для красоты и ровно ничего не знает ни о какой стрельбе. Конечно, и в нашем обыденном мире за пеленой обыденности присутствует потустороннее бытие, «нетленная порфира», как говорит Соловьев, «под грубою корою вещества». Но в специально выгороженном пространстве, при помощи специального устройства видеть ее удобнее.

Пьеса Погодина начинается репликой торговки куклами: «Куклы атласные, шелковые, парчовые. Лучший подарок детям...». Куклу покупает для своей дочери красноармеец, возвращающийся домой с гражданской войны. Неугомонный Забелин подначивает: «Не много же завоевал, солдат! Куклу да пачку спичек!» Замороженный своими интеллигентскими мифами, Забелин не понимает, что солдат завоевал немало. Я бы даже сказал, завоевал слишком много. Лучше бы он не завоевывал для своего потомства, бедный солдат, эту страшную куклу, изготовленную торговкой, разбившей свои часы.

Но все это присказка, так сказать, увертюра, то зерно, в котором Погодин спрятал даже не содержание своей пьесы, а содержание всей дальнейшей истории, вплоть до нынешнего дня. Ближе к концу настоящего текста разъяснится все: и кукла, и солдат, приобретший ее для своей дочери, и эта дочь, и торговка, и многое другое. А пока что давайте посмотрим, о чем вообще идет речь в пьесе Погодина.

КОВАРНЫЙ ДЕМОН ЭКОНОМИКИ

В ней три коллизии, три вставленных один в другой, переплетенных сюжета. Во-первых, чисто любовная коллизия: комиссар Рыбаков (в прошлом — морячок, воевавший на суше) любит дочку Забелина Машу. Усилия его любви пока что бесплодны. Он пробует применить силу — запирает Машу на ключ: «Будете сидеть». Но испытанный комиссарский прием в этой ситуации почему-то не действует, получается только хуже. «Откуда такой тон? Вы пытаетесь мне приказывать?» — спрашивает девушка в ответ на большевистское администрирование, и тогда комиссар начинает ныть: «Я вам не игрушка! А такой же, как вы, человек! Вы образованы лучше, чем я, и воспитание у вас никак моему не равняется, но почему-то со мной вы ведете себя страшно грубо». Маша — это воплощенная интеллигентская культура, почти что блоковская Незнакомка, которая, как известно из «Двенадцати», под именем Катька «с солдатней блудить пошла». Забелин чует потенции дочери: «Если она завтра сделается уличной девкой, я не буду удивлен». Да, собственно, Маша давно уже готова отдаться комиссару Рыбакову, но пока что ей что-то мешает. Она пока только кокетничает: «Ну, конечно же, я демон... Я коварна и зла!»

Вторая коллизия: с этой первоначальной любовной неудачей большевика в пьесе связана остановка кремлевских курантов. Я уже говорил, что остановка часов означает в пространстве идеальных сущностей задержку периодических процессов в здоровом женском организме. То есть болезнь или беременность. О беременности говорить пока, кажется, рано, а вот болезнь... Ленин дает Рыбакову поручение — разыскать часовщика, который мог бы починить кремлевские куранты. Рыбаков «прощупал старую Москву и наконец нашел такого часовщика». Характерно, что Маша, как только узнала об этом, сразу смягчилась и изготавилась перейти к продуктивным отношениям, которых так ждет от нее комиссар Ильича: «Милый... с вами очень легко. Почему, не знаю, но вся моя драма окончательно расплылась». Сегодня Рыбаков должен прийти в дом Забелиных и переговорить с Машиним отцом о женитьбе... Но разве с этим старорежимным ослом договоришься? Рыбаков в глаза называет его саботажником, удивляется, почему его до сих пор не посадили, — и только раскрывает рот, чтобы начать просвещать глупого спеца... как приходят товарищи и без лишних слов забирают Забелина — лечить экономику.

И наконец, в-третьих, коллизия электрификации. Часы оказываются символом еще и остановившейся в результате революции и гражданской войны экономики, которая, вне всяких сомнений, является женским организмом и которую во что бы то ни стало надо заставить работать, закрутить ее циклы. И тут становится окончательно ясно, что речь в пьесе идет не просто о любовной интрижке между рядовым комиссаром и обычной профессорской дочкой, но — о большом всемирно-историческом романе между Владимиром Ильичом Лениным и бывшей Российской империей. Но как ни бьется Ильич, как ни пытается овладеть ее телом и душой при помощи своего половых дел комиссара Рыбакова, Россия пока поддаваться не собирается, ее организм (экономика) почему-то противится страстным усилиям новой власти. Это естественно. Ведь как привык действовать Рыбаков, с чего он начинал? Очень просто: «Созвал в театр мелкую, среднюю и крупную буржуазию и на сцену поставил пулемет и будильник...» И через три часа, по звонку будильника, буржуи положили на стол три миллиона. Радикально, но не слишком продуктивно. С экономикой такие штуки не проходят. Она перестает работать,

а то и отвечает на насилие — Кронштадтским мятежом и антоновщиной, к примеру. Нужны иные методы. Вот и приходится обращаться к отцу капризной девушки, чтобы хоть он помог гальванизировать строптивую экономику.

СОФИЯ И ЭМПИРИЯ

В пьесе Погодина все три коллизии, переплетаясь и поддерживая друг друга, разрешаются очень удачно и (что особенно важно) одновременно: Маша любит Рыбакова, куранты на Спасской башне быют, план электрификации разрабатывается. Получается, что в пьесе представлены разные аспекты некоего единого организма. Женского организма, ибо куранты связывают воедино Машу Забелину и экономику России. Часы как бы общее место этой конструкции. Сознательной и личностной частью ее оказывается Маша, а бессознательной и органической — экономика. Причем Маша кажется не просто олицетворением экономики, но самой экономикой, являющейся в человеческом, личностном обличье. А физиологические процессы экономики оказываются тогда процессами жизнедеятельности организма кокетливой девушки.

Я не думаю, что Погодин сознательно строил эту конструкцию: у него, конечно, была совершенно иная забота — выполнить социальный заказ по лениниане. Но уж так получилось, что он в своей пьесе дал (сам материал, к которому он прикоснулся, заставил дать) представление о том, что многие русские философы пытались осмыслить под знаком софийности. В частности, отец Сергей Булгаков писал о софийности хозяйства: «Оно возможно благодаря причастности человека к обоим мирам, к Софии и к эмпирии».

Но что же такое София? Можно грубо (а значит — неверно) сказать, что это гипостазированная и олицетворенная премудрость божества. Всякого божества, ибо в религиозных культах всех народов так или иначе присутствует такой женственный принцип. Например, в буддизме это Шакти, насаженная на уд Бодхисватвы. В книге «Притч Соломоновых» это Премудрость Божия, существовавшая еще до всякого творения: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли». У христианских народов София обычно сливается с образом Богоматери. В Византии, откуда Русь почерпнула христианство, София отождествлялась с Логосом. И только в России, как отмечает Владимир Соловьев, София предстала «в виде отдельного божественного существа».

Разумеется, люди близко знавшие и видевшие Софию, описывают ее в самых сильных выражениях. Соловьев, например, говорит, что для наших предков София была «небесной сущностью, скрытой под видимостью низшего мира, лучезарным духом возрожденного человечества, ангелом-хранителем Земли, грядущим и окончательным явлением Божества». Но вот тот же Соловьев, рассказавший о своих встречах с Софией в поэме «Три свидания» (правда, он там отказывается называть «Подругу вечную» по имени), заканчивает описание каждой из встреч так или иначе подчеркнутым указанием на то, что в глазах «серьезных» людей вся эта мистика выглядит *глупо*. И действительно, лучше все-таки держаться того, что можно хоть как-то понять. Поэтому, ни в коей мере не отрицая никаких высоких видений, обратимся лишь к одному аспекту Софии, имеющему далеко идущие последствия и к тому же объясняющему многое в нашей жизни.

В книге «Россия и Вселенская Церковь» сказано: «Русский народ знал и любил под именем святой Софии социальное воплощение Божества и Церкви Вселенской». В других своих сочинениях Соловьев называет Софию «истинным, полным и чистым человечеством». А также «идеальным совершенным человечеством». Понятно, что это «идеальное человечество» (как, впрочем, и всякий коллектив) не есть просто совокупность индивидов. Это, как объясняет Соловьев, «цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм». Не только сами

индивиды, но и то, что их связывает. «София уже в своем вечном бытии необходимо состоит из множественности элементов, которых она есть реальное единство».

«СОКРОВЕННЫЙ СЕРДЦА ЧЕЛОВЕК»

Все это станет немного ясней, если отвлечься от непосредственно софиологии, а обратиться к размышлениям русских философов об обществе. Смутную «веру отцов» особенно четко сформулировал Владимир Соловьев: «Все, что есть в жизни общей, непременно так или иначе воздействует на единичных лиц, усваивается ими и только в них и через них доходит до своей окончательной действительности или завершения; а если смотреть на то же самое дело с другой стороны, — в жизни личной все *действительное* ее содержание получается через общественную среду и так или иначе обусловлено ее данным состоянием. В этом смысле можно сказать, что *общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — сжатое, или ссродоточенное общество* " («Оправдание добра»).

В сущности, речь здесь идет о том же самом, о чем она идет, когда говорят о Софии: в душе каждого человека есть (должно быть) особое устройство, которое является как бы представителем общества в нас. Оно связывает нас в общество и одновременно позволяет нам в обществе жить. Это устройство — личностное существо, живая матрица смыслов, которая есть во мне, но которая спроецирована и вовне: в виде мифов, общественных институтов, укладов хозяйства, особенностей языка, преданий, традиций и т. д. Эта матрица делает человека, носящего ее в своей душе, полноценным членом общества, а общество, построенное на основании этой матрицы, — единством людей, воспитанных так (и для того), чтобы жить в этом обществе. Это, так сказать, генетический код общества, то, что порождает и человека, живущего в обществе, и общество, в котором человек живет. И еще: это как бы лицо общества, проглядывающее в каждой отдельной личности, идеальный человек, живущий в каждом реальном.

Это все очень ясно, бесспорно, логически необходимо. Единственно новое и проблематичное, что привнесено тут русской философией, — то, что такое устройство (матрица), и есть личность. Вот, скажем, Юнг, открывший в европейском индивидуализме такую матрицу и назвавший ее коллективным бессознательным, вовсе не увидел в ней личности. А русские философы, как бы по-разному они эту матрицу ни называли («София», «мы», «хорошее начало», «симфоническая личность», «целокупная тварь», «всеединство», «нумерическое тождество»), — всегда видели в ней именно личность. Почему это так? А скорее всего потому, что они могли наблюдать коллективную личность своими глазами. Юнгу пришлось открывать коллективное бессознательное, исследуя индивидов. А нашим не нужно было ничего открывать, они воочию видели коллективное бессознательное — в сходах сельской общины. И его, это бессознательное, можно было понимать как форму проявления личности.

Даже люди, которые (по своему позитивизму) никогда ни о какой коллективной личности не помышляли, невольно вводили в свои описания общины какого-нибудь «непосредственного человека», как, например, Златовратский: «В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, *когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля*. Эта замечательная черта общественных сходов непосредственного деревенского человека...»

Что же может означать этот «непосредственный человек», стоящий за описанием безумного, казалось бы, радения, где «из посылок делаются выводы, как раз противоположные тем, какие логически делаются в вашей собственной голове», и где, тем не менее, непостижимым образом этим «мирским, общинным человеком» принимаются единственно верные мудрые решения? Ясно, что это просто особое психическое состояние, знакомое всем из опыта. Гово-

рят: «вошел в раж», «понесло», «впал в прострацию», «одержим». Таких состояний, вообще говоря, может быть много — в том числе и разумных, спокойных. И человек постоянно переключается из одного в другое. Знаменитое «вдруг» Достоевского — это и есть фиксация такого переключения, а бахтинская «полифония» — игра разных психических состояний.

Это на эмпирическом уровне. А на уровне феноменологическом можно говорить о личностных состояниях. Или даже о том, что в человеке не одна личность, а много. И вот одной из таких личностей является «сжатое, сосредоточенное общество», как это определяет Соловьев. А Семен Франк выражается так: «единство „мы“ внутренне присутствует в каждом „я“, есть внутренняя основа его собственной жизни». И через пару страниц добавляет: «Истинное „мы“ столь же индивидуально, как „я“ и „ты“». Но все это, впрочем, пока что слишком общо.

СОФЬЯ ВЛАСЬЕВНА БЕЗ КОММУНИСТОВ

Как видно, софийные штудии наших религиозных мыслителей имеют не только богословское значение. Размышляя о Софии («идеальном человечестве»), Соловьев и его последователи одновременно расширили поле возможностей понимания того, что называется обществом. Это естественно — ведь достаточно только «идеальное совершенное человечество» в характеристике Софии заменить каким-то конкретным коллективом (представленным, например, все тем же «непосредственным сельским человеком»), как софиология автоматически превратится в социологию. Разумеется, в этом случае не может быть уже никакой речи о Софии Премудрости Божией. Речь в этом случае может идти разве что о какой-нибудь частной софии, премудрости такого-то коллектива, такого-то народа, такого-то класса и т. д. — взятых как целое, как некая «симфоническая личность».

Но тем не менее и частная софия остается идеальной матрицей смыслов, порождающей духовно членов этого вот коллектива. И она, конечно же, тоже имеет свое лицо, которое можно увидеть. Наверное, частные софии являются каким-нибудь страстным своим адептам во снах или грезах наяву. Но и нормальные люди могут увидеть софию — в театре, в романе, в кино или где-нибудь на плакате. (От этих плакатных ликов раньше просто было некуда деться). Замечательно то, что в одном произведении можно встретить сразу несколько частных софий, представляющих разные общественные группы, — как, например, в пьесе «Кремлевские куранты».

Нет сомнения в том, что торговку куклами, с которой начинается пьеса Погодина, зовут Софья Власьевна. Правда, это имя обычно применяется к уже окончательно большевизированной советской власти более позднего времени (как и другие наименования: Сонька, Совок). Но ведь главная суть Софьи Власьевны никак не меняется от того, большевизирована она или нет. Ибо Советы — это вынесенная из крестьянской общины натуральная форма самоуправления, где всякое дело полюбовно (хотя и не без ругани) решалось, исполнялось и контролировалось *всем миром*. Ленин понимал это четко: «Советы сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов советов, в целях постепенного перехода к выполнению функции законодательства и управления государством поголовно всем трудящимся населением».

Разница между мирским сходом и Советом лишь в том, что на сходе фактически мог присутствовать весь мир, а в Совете заседали представители разных общин. Или — реально — представители разнообразных рабочих, крестьянских и солдатских коллективов. Но, поскольку все они только недавно вышли из общины (народа) и все еще носят в себе «мирского, общинного человека», софия их остается именно общинной, и в Совете устанавливается сермяжный общинный дух.

Идеал Советов, «свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами» для вовлечения «поголовно всего трудящегося населения» в управление государством, взят из общинной софии. Он очень хорош для какой-нибудь деревеньки, но в большом государстве такая

софия работать не может. Идеал этот абсолютно недостижим, в чем мы и убедились в период перестройки, когда власть временно перешла к Советам. Златовратский, описывая общинный сход, замечает, что «никакой благовоспитанный парламент не согласился бы признать себя, даже в отвлеченном принципе, аналогичным с этим сборищем мужицких депутатов». Это святая правда: Герберт Уэллс, один из героев разбираемой пьесы Погодина, говорит (но не в пьесе, а в книге «Россия во мгле»), что «трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский совет». Особенно поразило писателя обсуждение на заседании совета вопроса о «выращивании овощей в окрестностях Петрограда». Тут во всей красе явился «непосредственный человек» крестьянской Софии: «Люди вскакивали, произносили короткие речи с места и снова усаживались; они кричали и перебивали друг друга. Все это гораздо больше напоминало рабочий митинг в Куин Холле, чем работу законодательного органа в понимании западноевропейца».

Ну что же, многолетний опыт работы Совка показал, что эта софия в условиях огромного государства, когда невозможно пощупать руками то, что обсуждаешь и контролируешь, оказалась совершенно негодной. Совок у власти продемонстрировал только две способности: либо нелепо базарить, либо одобрительно молчать. Решать и управлять в такой ситуации будут, конечно, другие. И пожалуй, именно беспомощное состояние сельской софии, взявшей власть в государстве, Герберт Уэллс обозначил словами «Россия во мгле». В своей книжке он пишет: «По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков — от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов».

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Итак, вот откуда, оказывается, почерпнул Погодин свою метафору остановившихся курантов — из описания Советов своим знаменитым коллегой и героем. У Герберта Уэллса, кстати, вообще ничего не говорится ни о каких сломанных часах (кроме тех, которые он сравнивает с советским парламентом). Зато говорится о часовне Иверской Божьей Матери: «Многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют ее каменные стены». И именно около нее идет торговля куклами в пьесе Погодина. У народной софии хоть и сломан будильник, но все же она продолжает заниматься своим прямым делом: производит кукол (то есть — солдат для Красной армии и девочек для воспроизводства софийной матрицы в поколениях). Ничего другого она знать не желает, о чем прямо и заявляет, в частности, в поэме Заболоцкого «Торжество земледелия», обращаясь к некоему (внимание) Солдату устами Предков: «Мы <... > предел // представляем вашим бредням, // предпочтенье даем средним — // тем, которые рожают, // тем, которые поют, // никому не угрожают, // ничего не создают».

Нет, от этой несознательной софии толку не добьешься. Кухарка не хочет управлять государством. Ленин разочарован. Его теория «непосредственной и прямой демократии» не оправдывается. В пьесе он мучается, едет в деревню, где общается с «непосредственным человеком» (по Златовратскому). Причем говорит там о России и о деревне нечто такое, что даже комиссара Рыбакова приводит в недоумение: «Ничего такого, сказать по правде, я никогда не слышал». Впечатленный этими несслыханными ленинскими речами, комиссар начинает нести какую-то чушь о «неведомых дорожках», «невиданных зверях», «избушка там...», «а у вас тут русалок не бывает?»

Боюсь, что Ленин рассказал бедолаге про электрификацию, которая должна изничтожить последних русалок в торфяных болотах и реках России. А может, Ильич просто читал стихи мужикам, а они его не поняли? Во всяком случае, самый «непосредственный человек» в деревне, мальчик Степка, его не признал: «Ты не Ленин». А девочка Маруся добавила: «Вы

просто чужой мужик...» Ну что делать с этим «загадочным народом»? В конце концов Ленин приходит (уже не в пьесе, а в реальности) к выводу: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки».

И вот Владимир Ильич приглашает знающего человека Забелина, чтобы тот запустил часовой механизм государства. Иными словами: заставил куранты, игравшие некогда «Коль славен наш Господь в Сионе», играть «Интернационал». Ленин нашел подходящего человека. Этому Забелину в жизни нужно только одно — чтобы куранты работали. А уж какая там власть — это ему все равно. Истинный специалист по различным мудреным устройствам! Именно о таком мечтал Ленин еще в 1917 году, говоря, что пролетариат «посадит экономистов, инженеров, агрономов, проч. *под контролем* рабочих организаций за выработку „плана“, за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией...»

Разберемся — о чем вообще идет речь, когда говорится об электрификации. Во всякой нормальной стране речь идет о конкретных инженерных сооружениях, при помощи которых добывается и используется электрическая энергия. А у нас? Вроде тоже об этом, да не совсем. Какой-то странный ажиотаж вокруг этой электрификации. Мы, конечно, привыкли к словам, но можно ли в принципе понять, что вообще означает: «советская власть плюс электрификация»? Из этой формулы видно, что речь, во всяком случае, не идет о системе энергоснабжения. Энергоснабжение — это уж так, между прочим, а главное — нечто другое. Но что же? А то, что «централизация», при помощи которой Ленин собирается «сэкономить труд», неизбежно должна обернуться абстрагированием от человека, обобществлением индивидуальной энергии его труда, превращением ее в чистую обезличенность. Прибавляя к советской власти электрификацию всей страны, Ленин мыслил по-своему здраво. Действительно: может ли быть что-нибудь индивидуальное в извлеченной из конкретных носителей энергии? Нет, лучшего символа обезличенности, чем электроэнергия, невозможно даже придумать. И, конечно, именно этот естественный символ сам собой просится в формулу коммунизма. Но мы ее сейчас немного преобразуем и получим: коммунизм есть совок плюс обезличка.

«Кремлевский мечтатель» мог сколько угодно мечтать о грядущих свершениях электрификации. («С нашим народом можно мечтать»). В пьесе даже сказано, что «еще в девяностых годах мы в нашей партии мечтали о будущем России и строили планы электрификации...» Может быть. Но только надо понять, что все эти мечты были формой, в которую отливались человеконенавистнические планы большевистской софии.

Действительно, трудно себе представить, что нормальный человек мечтает о том, чтобы обезличить энергию людей, чтобы сделать население великой страны безликим рабочим скотом, превратить человеческие желания в энергию масс, отнять у человека лично ему принадлежащее, загнать его в лагеря и колхозы и выдавать ему пайку, прожиточный минимум. Мечтать обо всем этом, я думаю, невозможно, а вот продумывать эту самую мысль под вполне безобидной, казалось бы, маркой электрификации — очень даже возможно. Ведь при таких бессознательных грезах совесть мечтателя остается спокойной. Нет, что ни говори, а хитра большевистская Сонька — заморочила даже самых проницательных своих приверженцев. Но скрытое в недрах софии иногда прорывается в символической оговорке. Вот Ильич, например, говорит инженеру Забелину: «А хорошо бы здесь, у самого моря, воздвигнуть огромный электрический замок... Знай наших!» Забелину-то тут все ясно, ибо в те времена существовало понятие «тюремный замок».

ТВЕРДОЙ ДУШИ ПРОХВОСТ

В конце романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» Кржижановский на Восьмом Всероссийском съезде Советов представляет большевистский план насильственного обезличивания труда, разработанный инженером Забелиным: «Там, где в вековой тишине России таятся

миллиарды пудов торфа, там, где низвергается водопад или несет свои воды могучая река, — мы сооружаем электростанции — подлинные маяки обобществленного труда». Ну, мы-то теперь понимаем, что речь идет о том, чтобы перегородить плотиной течение жизни народа и извлекать при помощи этого «электрического замка» абстрактную энергию «обобществленного труда». Разумеется, хозяйка этого дивного замка — софия.

Но это — особого рода софия (совсем не Советская власть). Представлена она «административным василиском», или «твердой души прохвостом» (термины Салтыкова-Щедрина, к которому мы и обратимся в этой главке). Эта софия имеет на своем счету множество достижений — от сожжения (принесения в жертву) миллионов людей на огне «электрического костра», раздутого ею, до заразы Чернобыля и от застойных явлений за плотиной, перегородившей поток жизни общества, до вещественно ныне гниющих водохранилищ на Волге. В самой пророческой книге русской литературы, «Истории одного города», обо всем этом подробно написано. Угрюм-Бурчеев, последний из градоначальников Глупова (пародирующий первого царя новой софийной формации Петра I, электрификатора), тоже вознамерился перегородить реку жизни народа, «уловить вселенную», «поднять Россию на дыбы». «Он не был ни технолог, ни инженер; но он был твердой души прохвост, а это своего рода сила, обладая которою можно покорить мир».

Впрочем, зачем же прохвосту знать что-нибудь, если он может позвать инженера Забелина и попросить его по-хорошему (а тот-то и сам рад, мозги застоялись) сделать проект какой-нибудь зоны. А чтоб не дурил, приставить к нему комиссара Рыбакова. «Я направил его к вам, чтобы он осуществлял при вас диктатуру пролетариата, — говорит Ильич инженеру. — Ибо без диктатуры пролетариата мы никакой электрификации не осуществим». Удивительно верная мысль. Разумеется, она приходила и в голову Угрюм-Бурчеева. В своем плане электрификации (который желчный Щедрин называет «систематическим бредом», а также «нивелиаторством, упрощенным до определенной дачи черного хлеба»), Угрюм-Бурчеев «особенно настаивал» на необходимости комиссаров в каждом доме («поселенной единице») и в каждой группе домов («взводе»). Вот только называл он их шпионами. Ну естественно: это было давно, революционная терминология еще не устоялась.

«В то время еще ничего не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых нивеляторах вообще. Тем не менее нивелиаторство существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивеляторы „хождения в струне“, нивеляторы „бараньего рога“, нивеляторы „ежовых рукавиц“ и проч., и проч. Но никто не видел в этом ничего угрожающего обществу или подрывающего его основы. <...> Такова была простота нравов того времени, что мы, свидетели эпохи позднейшей, с трудом можем перенестись в те недавние времена, когда каждый эскадронный командир, не называя себя коммунистом, вменял себе, однако ж, за честь и обязанность быть оным от верхнего конца до нижнего. <...> Лишь в позднейшие времена (почти на наших глазах) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления была возведена в довольно сложную и неизъятую идеологических ухищрений административную теорию».

Из вышеприведенных разъяснений Салтыкова-Щедрина с очевидной достоверностью следует, что большевистская софия электрификаторства существовала в России издревле. В отличие от крестьянской Софьи Власьевны, большевистская софия есть софия администрации. И не случайно лучше всего ее описал чиновник Щедрин. Логически необходимо, чтобы такая софия имела два связанных между собою аспекта: командный и подчиненный. Командный аспект выражается в непреклонном стремлении «административного василиска», подавить всякое свободное проявление жизни: «Уйму! Я ее уйму!» А вот идеал второго аспекта, резюме «систематического бреда» Угрюм-Бурчеева: «Страшная масса исполнительности, действующая как *один человек* (курсив мой. — О. Д.), поражала воображение. Весь мир представлялся испещренным черными точками, в которых, под бой барабана, двигаются по прямой

линии люди, и все идут и идут. Эти поселенные единицы, эти взводы, роты, полки — все это, взятое вместе, не намекает ли на какую-то лучезарную даль, которая покамест еще задернута туманом, но со временем, когда туманы рассеются и когда даль откроется... Что же это, однако, за даль? что скрывает она?

— Ка-за-р-рмы! — совершенно определенно подсказывало возбужденное до героизма воображение».

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Таково пророчество, реченное через русскую литературу. По сути дела, оно означает, что в России, где обывательская крестьянская софия (пока что не Власьевна) была слаба и не способна к разумному действию, где индустрия была по большей части в руках государства, интересующегося в первую очередь укреплением военно-промышленного комплекса, — в такой России рано или поздно должно было произойти окончательное воцарение административно-командной, большевистско-электрификаторской, казарменной софии.

«Армия вообще, и в мирное, и в военное время, представляет обширную *потребительскую комму* строения строго *авторитарного*. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты и довольно равномерно их потребляя, не будучи, однако, участниками производства», — писал перед Октябрьским переворотом знаменитый герой основополагающего труда Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» Александр Богданов. К его мнению стоит прислушаться, ибо он, пожалуй, единственный, кто в те времена занимался системным анализом. Основы его изложены в книге «Всеобщая организационная наука: тектология», а я цитирую книгу «Вопросы социализма», в которой далее сказано: «Но гораздо важнее новый процесс, развивающийся под действием войны: *постепенное распространение потребительского коммунизма с армии на остальное общество*».

Во время «Империалистической войны» та «лучезарная даль, которая покамест еще задернута туманом», приблизилась необыкновенно. Война, которую развязала большевистская софия, страшно концентрировала и централизовала экономики всех воюющих государств, а особенно России и Германии, где и без того уже были все предпосылки для «государственно-монополистического капитализма». «Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму», — писал тогда Ленин. В конце концов «туман рассеялся», «даль открылась» и «административный василиск» командной софии возвел на трон бессловесную (или бессмысленно многословную) Софию Власьевну. А сам стал ее опекуном.

Менее чем через месяц после большевистского переворота, отказываясь от предложенного ему поста в Наркомпросе, Богданов напишет Луначарскому: «Трагизм вашего положения не только вижу, но думаю, что вы-то видите его не вполне, попробую даже выяснить его — по-своему».

Корень всему — война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие *военного коммунизма*.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; *применительно к нему*, нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как уклон капитализма и потребительного военного коммунизма».

Что и говорить, время показало правоту Богданова. Большевики считали госкапитализм переходной ступенью к социализму. Бедные! Они, может быть, и не имели прямого отношения к своему большевизму. Но можно сколько угодно мечтать о счастье человечества, об электри-

фикации, о чем угодно — не возбраняется! — главное: делать дела, важные и нужные для пищеварения военно-промышленного комплекса. Милые добрые партийцы впали в руки сурового василиска аполитичной по своей сути командно-административной софии Российской империи и — делали только лишь то, что выгодно ей. Вскоре после Октябрьского переворота эта милая дама развяжет их руками Гражданскую войну («Если бы белочехов не было, их бы следовало выдумать», — откровенно заявлял Троцкий), а потом она отчасти вымыслит, а отчасти и создаст себе врагов внутри страны и за кордоном. Под это дело она начнет лудить свой ненасытный желудок, ковать себе грозные кулаки, нормировать, распределять уже и в мирное время...

Но вот уж что воистину поразительно, так это то, что Богданов абсолютно точно определил и назвал софию военно-промышленного комплекса. Возможно, читателю до сих пор еще кажется, что софия — это что-нибудь метафизическое и туманно-призрачное. Вовсе нет! Софию можно буквально потрогать руками. Она воплощается в общественных структурах. Вот что писал знавший дело изнутри Богданов в цитированном выше письме Луначарскому:

«Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на нее задачи, глубоко искажившие ее природу. Ей пришлось организовать псевдо-социалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах). <...> Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном <...> Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть *объективно* просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал».

Напомню, что это описание софии, уже известной нам как щедринский «административный василиск», сделано 19 ноября 1917 года.

ЛЕЖИ ТЫ, ПАДАЛЬ, НА СНЕГУ

Разумеется, предупреждения Богданова не могли быть услышаны. Большевики, захватившие власть (то есть одержимые милитаристской софией), не только не видели ничего особенно трагического в своем положении, но, напротив, считали, что дело идет именно так, как и должно идти по марксистской науке. Вот когда софия, которой они сейчас служат, начнет их давить, как надоевших тараканов, тогда и станет ясен трагизм, о котором пророчествовал Богданов. А пока все по писаному: концентрация производства и централизация капитала в руках монополий во время войны закономерно приводит к государственному капитализму с его контролем над производством, нормировкой, регулированием, распределением, государственным снабжением, таксацией цен и карточной системой. Вы только подумайте — ведь это уже почти что социализм!

Бухарин в «Экономике переходного периода» просто от восторга заходится по поводу «универсальной государственно-капиталистической организации, с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством, с подчинением всего „народнохозяйственного“ механизма целям мировой конкуренции, т.е. в первую голову войны». Разве не видно, что этот невинный страдалец просто бредит военной софией, которая хочет загнать всех людей в лагеря и трудовые армии, ради извлечения электроэнергии масс? Нет, он отнюдь не садист, он лишь бесноватый. Он решил, что почва уже подготовлена, необходимые структуры сформированы («если капитализм „созрел“ для *государственного* капитализма, то он созрел и для эпохи коммунистического

строительства»). Осталось лишь кое-что подправить — передать эти готовые структуры пролетариату в лице (как подметил Богданов) «солдатской партии». А уж она, эта партия, являясь воплощенным телом милитаристской софии, займется «выработкой коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (курсив мой, а не Бухарина. — О. Д.).

Пока что «солдатская партия» лишь покупает кукол у торговки Софьи Власьевны. Административный василиск сам пока что бесплоден. «Человеческий материал» пока что берется в сыром, так сказать, виде. Это уж позже военно-коммунистическая софия займется выработкой «нового человека» путем «концентрированного насилия» — «начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью». Об одном из аспектов этого процесса (внутрипартийном) подробно и ясно рассказано в «Роковых яйцах» Михаила Булгакова. Там под «красным лучом» — электрическим! — родятся чудовищные рептилии нового человечества (об этом в настоящей книге см. статью «Гады»).

Впрочем, государственный капитализм — это далеко еще не тот вожделенный коммунизм, который большевики подрядились построить. Остановившиеся часы софии старого государственного капитализма работали, в принципе, все-таки по нормальным экономическим законам. Несмотря на все присущее этой софии «планирование», она способна к рыночной саморегуляции, у нее есть известные циклы (кризис, депрессия, оживление и подъем). А идеал Бухарина — уничтожение рынка, превращение денег в единицу счета и т. д. Такой идеал пока что еще не достигнут. Нужно еще очень много сделать для его достижения. Увы, своих собственных умственных ресурсов для этого не хватает. Приходится обращаться к интеллигентской софии, которая — вот сука! — пока саботирует. Как же быть? Очень просто: разрушить эту софию. Или, как выражается Бухарин, разорвать «социальные связи прежнего типа, живущие в виде идеологического и психологического сгустка в головах людей этой категории».

Под «людьми этой категории» подразумевается неформальная общность старой интеллигенции — все эти забелины, персиковы, преображенские. Символом этой общности может быть, например, блоковская Незнакомка или Маша Забелина. Кровожадный Бухарин ставит задачу уничтожения этой софии. Да за что же, помилуйте: ведь она же готова отдаться любому комиссару... Но нет: «предварительным условием самой возможности нового общественно-производственного сочетания должно быть распадение связей прежнего типа в головах этой технической интеллигенции». Или, как скажет Блок: «Лежи ты, падаль, на снегу».

Но все-таки Маша спаслась, хотя, конечно же, только лишь временно. Спаслась потому, что в характере ее есть неискоренимая пытливость, тяга к новому. Вот она и вышла замуж за комиссара. То есть — интеллигенция (известная часть ее) отдалась новой власти. Всем этим привлеченным спецам было ужасно интересно посмотреть: как это можно устроить жизнь на совершенно иных принципах. Они не стали большевиками, они остались экспериментаторами, вечными «московскими студентами», как говорит один из них, герой «Собачьего сердца». Их софия влекла их к великим делам, и они пошли разрабатывать проекты воздушных электрических замков. А что из этого может получиться, они просто не знали.

Сентябрь 1991

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ. Согласно Льву Толстому русские реформы кончаются на рельсах

В дневнике Софьи Андреевны Толстой есть такая запись: «Вчера вечером Л. мне вдруг говорит: „А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо“. Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи». Эта дневниковая запись сделана 19 марта 1873 г. (31 марта по новому стилю). Речь идет о начале писания «Анны Карениной».

УЗЕЛ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Невнимательность Софьи Андреевны («не обратила большого внимания») объясняется тем, что аж с февраля 1870 г. Толстой мучился над текстом из эпохи Петра — изучал материалы, сделал много набросков — все вроде бы было готово к тому, чтоб начать, но вот все что-то не мог. Жену тоже, конечно, измучил. И вдруг — начал нечто другое...

Но другое ли? — ведь еще 24-го февраля 1870 г. Софья Андреевна записала: «Вчера вечером он мне сказал, что ему представился тип женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что его задача сделать эту женщину только жалкой и не виноватой». То есть, значит, на фоне попыток писать роман из эпохи Петра изначально маячила история женщины, «потерявшей себя». Похоже, что эти попытки писать о Петре сопровождались подспудным обдумыванием романа из «современной эпохи», что наброски романа о Петре были своего рода черновиками «Анны Карениной». И уж во всяком случае несомненно то, что роман из современной эпохи вобрал в себя проблематику, которая волновала Толстого и не давалась ему в процессе трехлетней работы над историческим романом. Вот что пишет он в декабре 1872 г. в письме к Страхову: «До сих пор не работаю. Обложился книгами о Петре I и его времени; читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь, все задача, загадка, разгадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут». Тут стоит обратить внимание на две вещи: на «поэзию» и на «узел».

Что касается «поэзии», то она здесь появляется оттого, что, когда Толстой взялся за роман из эпохи Петра, в голове его крепко сидела идея, которую он обозначал словосочетанием «история-искусство». В самом общем виде эта идея сводится к тому, что методами «истории-науки» невозможно понять в целом и правдиво изобразить жизнь человека и общества. Это можно сделать лишь методами искусства.

Что же касается «узла русской жизни», который пытался распутать Толстой методом «истории-искусства», то это тот же самый узел, который начал распутывать поэт Александр Пушкин в «Медном всаднике». Там ведь тоже вначале говорится о Петре, а потом о потерянной женщине (в другом, разумеется, смысле потерянной, чем у Толстого). А в целом речь о живой (и подчас ужасающей) актуальности того, что завязалось в эпоху Петра, для потомков. Не только для «родов дряхлеющих обломков», каковыми в результате петровских реформ оказались конкретно и Пушкин, и Толстой, и их герои, но для всех. Ибо Петром «побежденная стихия» (не столько «волны финские», сколько нечто в нашей душе) периодически выходит из повиновения, и тогда — «Осада! Приступ!» — простому человеку несдобровать среди волн революции и беспорядков вроде тех, что накликают сегодня на нашу голову.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

Давайте же, наконец, обратимся к тексту романа. Второе его предложение, как известно, гласит: «Все смешалось в доме Облонских». Между прочим, в набросках к роману о Петре есть такая фраза: «Все смешалось в царской семье». «В доме Облонских» — «в царской семье». Не идет ли тут речь вообще о Российском государстве? Впрочем, достаточно будет признать, что «дом Облонских» — это как бы рамка, обнимающая все главные коллизии романа, тот круг (обло), в который замыкается его действие. Облонские — не самые главные фигуры в романе (хотя Анна — в девичестве Облонская), но неполадки в семье Облонских — запал, с которого все начинается: Анна приезжает мирить Облонских и встречается с Вронским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.